

18+

Галина Белыева

Портрет властителя ада

Галина Беляева

Портрет властителя ада

«Издательские решения»

Беляева Г.

Портрет властителя ада / Г. Беляева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-676087-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Роман повествует о непростой жизни представителя золотой молодежи. Никита молод, горяч и абсолютно неуправляем, что является главной проблемой для его высокопоставленного отца. Принимаемые им меры не дают результата, а лишь усугубляют ситуацию. Ссоры, недомолвки, обиды, формируют непробиваемую стену между отцом и сыном. Они давно не слышат друг друга. Их дом — поле боя. И лишь когда смолкает очередная канонада, можно услышать тяжелый вздох вечно-занятого отца и тихий плач одинокого ребенка.

ISBN 978-5-00-676087-5

© Беляева Г.

© Издательские решения

Содержание

1 глава	6
2 глава	9
3 глава	12
4 глава	14
5 глава	17
6 глава	20
7 глава	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Портрет властителя ада

Галина Беляева

© Галина Беляева, 2025

ISBN 978-5-0067-6087-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 глава

Кто я такой? Да я и сам с трудом это понимаю. В общем – никто, пустое место, избалованный вседозволенностью самовлюбленный эгоист. По крайней мере, так думает большинство знающих меня людей. Они все как есть сочувствуют моему отцу: не повезло ему, такому умному и красивому, с оболтусом-сыном. И наверняка дивятся, как я у него, такой бестолковый, уродился. Он достоин лучшего. И в этом я, пожалуй, согласен с большинством. Но им известна лишь одна сторона его жизни. А как же быть с другой, которую вижу только я?

Начну с того, что мой великосветский папаша – Литвинов Юрий Андреевич – депутат Государственной думы Российской Федерации. В недавнем прошлом преуспевающий юрист и грамотный политолог. Имеет три высших образования и владеет четырьмя языками. Он умен, эрудирован и в любой момент готов заткнуть за пояс оппонента, проявляя завидные навыки психолога и не стесняясь показывать свое превосходство. Лидер во всех смыслах и всех своих проявлениях, будь то на работе или дома. Он везде одинаков и почти во всех видит подчиненных, как, собственно, и во мне. Я, в его представлении, должно быть, такой же сотрудник, которого нужно гонять и одергивать, хотя... будь у него столь нерадивый сотрудник, долго бы он на работе не продержался. Даже деньги на расходы он перечисляет мне на карточку два раза в месяц. Смешно... смешно и грустно.

А еще мой отец до неприличия красив. Он высок, статен, имеет прекрасную фигуру, в которую вкладывается не скупясь, а главное... его лицо – оно словно просится на страницу глянцевого журнала, чтобы все женщины, да и мужчины страны хотели только его. У него большие, орехового цвета глаза в обрамлении по-женски длинных ресниц, и, пожалуй, это единственное его сходство со мной. Я унаследовал лишь их. Ни ума, ни предприимчивости, ни лидерских качеств. На его фоне я словно блеклое, но въедливое пятно, портящее репутацию строгого политика. Я – тот, кого он, должно быть, стыдится. Тот, кто лучше бы не родился, не создавал ему лишних неудобств и проблем. А еще я – вечное напоминание ему о женщине, которая произвела меня на свет и которая свечой потухла, умирая на его руках.

Мама... мамочка – она умерла почти семь лет назад от рака. А при жизни была простой школьной учительницей, преподававшей рисование. Тогда отец, еще не успевший заматереть в политике, только набирал обороты, и наша общая беда сильно подкосила его. Я был еще ребенком и мало что понимал, или меня просто так тщательно оберегали от понимания, но трагедия в доме стала для меня неожиданностью. А ведь мне шел двенадцатый год.

Я все еще помню то утро, когда вошел в комнату родителей и увидел отца, растрепанного и опустошенного, обнимающего, как мне показалось, спящую жену. Я знал, что мама больна, но не ведал насколько. Забрался к ним на кровать и лег рядом, прижимаясь к уже холодному телу. А потом зазвонил телефон. Не вставая с постели, отец взял трубку и сообщил неизвестному мне человеку, что Анна ночью умерла. Он поцеловал ее в висок и поднялся с кровати, стаскивая и меня.

Никогда не забуду тот день. Тогда я потерял единственного человека, который меня любил всяким и поощрял любую глупость как способ самовыражения.

В ночь после похорон со мной спала бабушка Нина – ее мама. Мы долго плакали, а потом она уснула, а я вышел в коридор в поисках отца. Он сидел в своем кабинете за письменным столом и пил. Что – не знаю, помню лишь красивую бутылку с янтарной жидкостью внутри. Я прошел без спросу, и он жестом разрешил мне забраться к нему на колени. Прижал и поцеловал в макушку. А на столе стояло фото мамы. Она улыбалась нам обоим такой легкой и светлой улыбкой, какой я не видел более ни у кого. Я тихо заплакал и почувствовал, как, кусая губы, он пытается сдержаться, запрокидывает голову, словно боясь потока слез. Тогда я чувствовал его тепло в последний раз.

Отец ушел в работу и, воодушевившись благосклонностью судьбы, стал продвигаться все дальше по карьерной лестнице, пока, наконец, не дошел до ныне действующей должности. Теперь он для меня недостижим. Так следом за матерью я потерял и отца. Он, конечно, так не считает: постоянно бросает мне в лицо собственные заслуги, ставшие частью нашей жизни и преобразившие ее. И всей душой надеется, что однажды я поменяю свое отношение к жизни и наконец начну благодарить судьбу, а не проклинать. Хотя порой кажется, что я и впрямь не вправе этого делать. Ведь у меня есть если не все, то многое: шикарный дом в коттеджном поселке на Новорижском шоссе, полный достаток и возможность жить жизнью золотой молодежи, но эта жизнь меня не привлекает.

Мне идет двадцатый год. Я учусь в престижном университете, куда определил меня мой вездесущий папаша. Осваиваю юриспруденцию – по его велению. Ведь быть художником, как он считает, в наше время значит голодать. Это – хобби, не профессия, но это действие завораживает меня, успокаивает и дает силы жить. Я готов рисовать даже мелками на асфальте, лишь бы рисовать. Предусмотрительно скрываю от отца свое увлечение, заставляющее его прекрасное лицо кривиться в неодобрении. Даже в граффити себя попробовать успел. Порой рисую карикатуры назойливых политиков, высмеивая их лозунги. Однажды и папенька попался мне под горячую руку. Благо он не знает, кто творец. Прибил бы, как муху на подоконнике.

В этом моя сила, и ему этого у меня не отнять. Хватит и того, что он лезет во все остальное. Он знает ректора моего университета лично, как и большую часть моих преподавателей. Предполагаю, что следит за мной в социальных сетях, видимо, опасаясь, что я слечу с катушек без родительского присмотра. Прислуга и охрана тоже начеку. Все бдят. Любит он держать все под контролем, это часть его характера, по-другому просто не может. Меня это бесит. Как и то, с каким пренебрежением он относится к моим друзьям, не позволяя приглашать их в наш дом. Словно они изгой... быдло какое-то. Но я знаю себя и знаю, что ничуть не отличаюсь от них, а значит, являюсь для отца таким же отребьем, как и они. Только вот меня в своем идеальном доме приходится терпеть, как и мою расписную куртку с капюшоном и красные кеды, которые раздражают его одним своим видом.

Он старается быть сдержанным и закрывать глаза на мой внешний вид, безалаберное отношение к учебе и к жизни в целом, на друзей и вредные привычки, коих у меня немало. Я не считаю зазорным раскуриться с друзьями. Пусть будет благодарен, что не колюсь. Могу позволить себе выпить... с ними же. Хотя и стараюсь, чтобы отец не видел меня таким. Его раздосадованный вид, в котором читается проклятье в свой адрес из-за того, что так плохо меня воспитал, угнетает меня больше, чем проповеди и подзатыльники.

Меня крайне задевает тот факт, что он отказывается покупать мне машину, аргументируя тем, что я расколочу ее за неделю, да еще и сам с миром упокоюсь и прихвачу кого-нибудь с собой. Такое недоверие не удивляет. И злит. Как и то, что на права мне пришлось сдавать самостоятельно, в то время как он вполне мог сделать один звонок, чтобы к вечеру они лежали у него на столе. Сноб! Странно, что в армию не отправил. Помню, грозился. Хотя не удивлюсь, если он и на это пойдет, чтобы лишний раз показать, кто в доме хозяин и насколько он всемогущ.

Ненавижу! Как же я ненавижу его. Его лукавую улыбку с экрана. Голос ровный, спокойный... до поры до времени. Взгляд... Должно быть, вокруг него трется целая куча алчных бабенок с силиконовыми грудями. Слава Богу, он не приводит никого домой. А вот запах женского парфюма и отпечатки помады на воротнике замечал неоднократно. Странно, что трусы в багажнике не находил. Выходит, верность не его конек. Он давно забыл маму. Только фото ее на столе все еще стоит. Убрал бы, что ли.

Он уже не мой отец. Он – политик, суровый и своенравный, не стесняющийся резких высказываний. Но это, как ни странно, привлекает в нем окружающих. Литвинов никогда не позволит себе словоблудия. Он продумывает все до мелочей. В институте меня часто спрашивают о нем. Но что я могу им поведать? Ничего! Для меня он так же далек. Девчонки вос-

хищаются его яркой внешностью, откровенно потешаясь над нашим различием. «Он способен возбудить взглядом» – слышал я от одной. Ну не знаю... меня не возбуждал. Глупые курицы. Что они понимают в мужиках? Такой, как он, сломает, растопчет и не заметит. Что для него они? Развлечение на один вечерок. А впрочем, я не знаю об отце даже этого, могу лишь догадываться о количестве его любовниц и радоваться, что это не любовники.

Откуда у него время на меня? При такой-то занятости... А как хотелось мне раньше сходить с ним в поход, поехать на рыбалку – просто вместе отдохнуть. Черт подери... почувствовать хоть немного родительского тепла. Понять, что меня любят, а не терпят. Но это было тогда. Сейчас мне все равно. Он не нужен мне ровно так же, как и я ему. Он и следит-то за мной только оттого, что дорожит репутацией и ему нужно быть в курсе тех дел, что я могу натворить. Карьера для него важнее сына, это я уже понял. Обидно, но такая она – жизнь паренька в позолоте. Как оказалось, никому не нужная.

2 глава

Сегодня, пользуясь случаем, я направляюсь к отцу на работу. Повод есть, и существенный, ибо бабушка Нина собирается отметить свой шестьдесят пятый день рождения и с утра звонила мне по этому поводу. По правде говоря, сначала она звонила отцу. Но разве можно до него дозвониться? Потому попросила меня передать приглашение аж за месяц, чтобы в доску занятый зять сумел найти окно в своем наиплотнейшем графике, для поздравления близкого родственника. Не знаю, поздравлял ли он своих тещу и тестя раньше. Не удивлюсь, если нет. Отцу свойственно вычеркивать из своей жизни то, что не приносит радости или прибыли. Своих родителей он похоронил давно. Деда я не застал, бабушку не запомнил. А родители матери словно перестали быть ему родственниками после ее смерти.

И вот теперь я иду к нему на работу после универа. Апрель, но солнце печет по-летнему и я, щурясь и улыбаясь ему, пиная, как заправский футболист, пивную банку, направляюсь в цитадель депутата Литвинова. Свой помятый трофей у самой двери мастерски закидываю в урну и чувствую себя прямо Роналду. Нужно было в спорт идти.

Здоровуюсь с охранником. Он меня знает. И иду дальше. Мимо снуют цоколки – девицы делового прикида, как мне кажется, с трудом удерживающиеся на здоровенных шпильках. Мужики в костюмах как будто из одного инкубатора вышли. Смеюсь и продвигаюсь дальше по коридору. И вдруг останавливаюсь, наблюдая из-за угла приемную моего супер-занятого папаши.

Секретарша – Кристина – вот ради кого я готов ходить сюда хоть каждый день. Она – мой идеал. Невысокого роста, миниатюрна и до чертиков хороша... У нее длинные, абсолютно прямые волосы коньячного цвета. Так и хочется увидеть их разметавшимися по подушке. Глаза светло-карие, словно медовые. Пухлые губки – свои, без силикона. Такая нежная и ранимая с виду. Всегда занятая. Она, конечно же, старше меня. Думаю, ей где-то двадцать четыре, не больше. Но выглядит моложе из-за кукольного личика и своей миниатюрности. Сколько раз я представлял ее в своей койке, уже не сосчитаю. Она меня волнует как никто. Много бы отдал за право с ней потусить. Даже пытался пару раз подкатить. Все мимо. Крис – как я по-своему ее называю – девица мягкая, но серьезная. Всякий раз ей удавалось мега-культурно меня отшивать. При этом вроде понимаешь, что послали, но обиды не чувствуешь. Вот умеет же... Да, причин отказать мне у нее хватает. И одна из них – папуля, будь он неладен. Наверняка внесет свою лепту, если узнает, что его секретарша с сынком трется.

Она замечает меня. Выхожу на свет. Улыбается... красotka, и жестом дает понять, что нужно обождать. Да я не против. Разваливаюсь в одном из кресел в коридоре и продолжаю смотреть, как она суетится, собирая документы по столу... тудяга. И, полагаю, успела маякнуть Юрию Андреевичу – спустя несколько минут озвучивает, что смогу войти сразу, как выйдут дипломаты. Но он выходит сам и приглашает меня на обед в ресторанчик на углу. Приятненько.

Посылаю воздушный поцелуй Крис и иду за ним, со стороны наблюдая за его действиями и поражаясь, как можно было загнать себя в эту кабалу. Став депутатом, он потерял себя прежнего.

Выслушав меня, отец озадаченно сдвигает брови, но потом обещает что-нибудь придумать. А вот что именно? Как снова откосить и никого не обидеть при этом? Говорю ему, что обижусь, если не придет. Не знаю, поможет ли это, но я предупредил.

Уже разделавшись с первым блюдом, он с интересом смотрит на меня и наконец спрашивает:

– Что это за прическа? Такое носят сейчас?

Я киваю, улыбаясь. Сделал ее недавно. Знал, что не одобрит.

– Похоже на самурайский пучок, – констатирует он, рассматривая внимательнее.

По бокам выстрижено почти наголо, сзади тоже. Волосы спереди зачесаны, и собраны в петлю на макушке. Раньше я носил длинные, их он тоже не одобрял.

– Я даже боюсь делать тебе замечание. Вдруг совсем побреешься. Просто скажу: тебе не идет. – И он приступает ко второму блюду.

– Да тебе никогда не нравилось, как я выгляжу, – колко замечает я.

– Как ты выглядишь, меня вполне устраивает. А вот то, как ты пытаешься выглядеть, уродует себя, – нет.

– И в чем же состоит уродство? – сквозь зубы цежу я. – У меня современная прическа... Это просто один из способов подчеркнуть индивидуальность. Как пирсинг или татуировки.

– Да, помню, – он откладывает вилку, – китайский иероглиф у тебя на спине, значение которого не знают даже сами китайцы. В ней один плюс – под одеждой не видно. А других способов самовыразиться не нашлось?

– Когда я уши в десятом классе проколол, тебе тоже не понравилось, – напоминаю я.

– Да что ты? В этом есть определенный плюс: теперь я знаю, кто унаследует бабушкины сапфировые сережки, – невозмутимо произносит он, беся меня еще больше.

– Весь я у тебя с брачком, – логичное заключение.

Я решаю проверить, не заросли ли уши, и позлить хладнокровного папашу. Вынимаю кусочек проволоки из кармана.

– Что это? – Он едва ли не морщится.

– На улице нашел. В зубах ковырять удобно, – едко вру я.

– И почему меня это совсем не удивляет?

Втыкаю в ухо, радуясь, что дырка на месте, и вскидываю брови, с вызовом глядя на расслабленно откинувшегося на спинку стула отца.

– Может, я тебе брелок-трекер повешу, не возражаешь? Тебе все равно, какой мусор в ухе носить, а мне спокойней. – Язвит родитель.

В его предприимчивости я не сомневаюсь. Он может.

– Нет уж, будешь искать по старинке – с собаками?

– Милый мой... там, где ты лазишь, не всякая собака пройдет. – Он возвращается к еде.

Я недовольно смотрю на него, не зная, чем возразить. Я всегда проигрывал ему в спорах. Он умеет оскорбить улыбаясь. Умеет похвалить и тут же плюнуть в душу. Это особенная способность всех надменных и высокомерных людей, коим он стал. Стена между нами, которую он строил все эти годы, казалась теперь просто огромной. Мы не просто не понимаем друг друга – не слышим. А ведь только мы друг у друга и остались.

Уже через минуту он возобновляет разговор, жестом призывая меня вернуться к трапезе.

– Хочу, чтобы ты перестал строить глазки моей секретарше. Ты смущаешь ее.

Ан нет, кое-какое понимание все же присутствует. Я едва не давлюсь соком. Не думал, что он заметил мой интерес, хоть и не скрывал особо.

– Ревнуешь? – захотел уколоть, но вызвал лишь тихий смех.

– Ты себя слышишь? Ревную к кому? К девятнадцатилетнему заносчивому и избалованному пареньку с непонятным выщипом на голове и проволокой для ковыряния в зубах в кармане? Ты похож на гопника с Бирюлева. И все это с собой ты сделал сам... Всерьез считаешь, что сможешь составить конкуренцию кому-то из офисных? Нет! Печально это признавать, но... тебе нечего ловить возле этой девушки, – заключил он. – И думаю, что ее немало напрягает тот факт, что по ней пускает слюни сынок босса.

Критика хороша, когда не задевает за живое, а во мне уже все кипит. Я недовольно откладывая вилку, и вдруг, оглядевшись по сторонам, замечая, какими глазами смотрят на нас окружающие.

Он – высокий, красивый, в идеально сидящем костюме. И я – никакой... Быдло. Мы из разных миров. Я не подхожу ему во всем. Должно быть, они и представить себе не могут, что мы одна семья.

– А я вот уверен, что, не будь я сыном ее босса, шансы бы у меня были, – решаю я возразить.

– Нет, хороший мой. Дело не во мне, оно в тебе.

Это последнее, что я услышал от него сегодня. Ибо я выскакиваю из-за стола, словно меня кипятком обдали, и, задев нерасторопных официантов, бросаюсь к двери, шепотом проклиная своего родителя. Среди великого изобилия ядовитых змей он самая кусачая.

Вечером домой не иду. Напиваюсь с друзьями – Илюхой, Максом и еще несколькими из универа – просто до дури. В какой-то момент появляется желание вены себе в туалете вскрыть, все по той же причине. Просто жажду увидеть холеную рожу Литвинова, когда он услышит новости о том, что сынок свел счеты с жизнью из-за его стервозности. Но братва меня вытаскивает и обезвреживает. И это хорошо. Занесло меня сегодня. Признаю.

Потом меня отправляют домой, и я крадусь коридорами, чтоб никого не разбудить. Падаю не раздеваясь. Бросаю взгляд на часы и жмурюсь в ужасе. Завтра ж в универ. Хотя, как завтра? Сегодня! Часа через три.

Я даже слышу, как дверь приоткрывается и в комнату кто-то заглядывает. Папаша, кто ж еще. Домработница такого себе не позволяет.

Запах от меня стоит, представляю какой, потому он просто выходит. Общаться со мной без толку.

А утром я обнаруживаю на столе минералку и аспирин. Странно, что нет тазика. Наверное, домработница – тетя Наташа, женщина средних лет, что уже три года трудится на нас – в очередной раз позаботилась, услышав от отца ругательства в мой адрес.

«Мне б топор, – думаю я, – аспирин тут не поможет».

3 глава

Сегодня решил показать Кристине свое к ней отношение, изобразив ее в граффити на боковой стене десятиэтажного строения, что стоит между депутатским офисом и ее домом... ну и всему городу заодно. И, по правде говоря, очень надеюсь, что отец не узнает об этой моей выходке, а вот предмет моих необузданных желаний увидит и оценит. Узнать себя ей будет несложно: я приложил максимум усилий, чтобы добиться точных пропорций. Я изобразил ее в окружении звенящих телефонов и стопок бумаг, а за маленькой дверью в черном цвете человека, ждущего ее с букетом. Получилось красиво и достоверно.

Решаю ей дать дня два-три на то, чтобы хорошенько разглядеть, перед тем, как прийти к ней в офис с цветами. Думаю, такой романтики она от гопника вроде меня не ожидает.

Целый день я горю в предвкушении, но этим же вечером меня остужают. «Брандс-пойт» с потоком претензий ждал дома, а точнее – отец и его серьезный разговор. На повестке дня – мое вчерашнее пьянство. Ох, это разнос. Давненько меня папаша так не отчитывал. Словом, мы снова ссоримся. А чего он ожидал? Что я прощения просить буду? Вот уж дудки. Не дождется. Это моя жизнь, хочу – калечу. На это мое высказывание ему даже нечем возразить. Но все же он делает бяку и без того – урезает мои карманные почти вдвое, заявив, что раз мне хватает на бухло, травку и прочую дребедень, то это явно избыток средств. А после разговора я не нахожу в комнате полупустую бутылку вискаря, спрятанную за диван, и пакетик травки, что с ребятами не докурили. Черт, она ж не моя... Проклятье. Тиран хренов. Ну почему мне так не повезло с отцом? Иные родители путем не оденут, нормально не покормят, но так самозабвенно любят своих чад, что я – сын депутата – завидую им. А здесь только критика и порицание... во всем.

Не везет мне и с Крис, ибо, занятая, она даже не обращает внимания на меня, когда на третий день после нанесения граффити я являюсь в офис с букетом. Спрашивает, нужен ли мне Литвинов – к счастью, его нет – и даже не замечает цветов. Все суетится, бегаёт. Какое-то время я стою, потом еще жду в коридоре в надежде перехватить ее на выходе и объяснить. Но когда слышу, как она отвечает согласием на предложение одного из сотрудников ее подвезти, то злюсь и, кинув букет в урну, ухожу.

Мое искусство завешивают огромным баннером с рекламой медикаментов, уже на следующий день.

Может, отец прав и она не для меня? Но как же она мне нравится... словами не передать. Я относился бы к ней со всей нежностью, на которую способен. И стал бы для нее таким, каким она захотела бы меня видеть. Не верю в то, что ей предпочтительнее пингвин во фраке, чем вольная птица вроде меня.

А ночью я вновь представляю ее – такую хрупкую и красивую, с растрепанными рыжими волосами. Как ее тонкие руки скользят по моему телу, а с припухших губ слетают тихие стоны. Я мечусь по кровати, выгибаюсь и скулю, яростно лаская себя. А потом наслаждаюсь расслабленностью и мечтаю лишь об одном: чтобы однажды это оказалось правдой.

Дабы не злить Юрия Андреевича еще больше и не напрашиваться на дополнительное урезание денежного довольствия, я решаю некоторое время для разнообразия вести себя прилично. Даже в универе появляюсь на всех занятиях. И, к собственному ужасу, понимаю, что мои частые пропуски преподы замечают. Сволочи, тыкают мне тем, что папаша – депутат: мол, высокие связи не помогут. Я и без них обойдусь. Что за дурь? А староста – Лилька – почему-то решает, что мне нужна помощь. Я чуть не поперхнулся.

– Ну разве что дашь мне разок, чтоб я расслабился, а то эта напряженка... задолбала, – почти серьезно отвечаю я, но она не смущается и продолжает про мою успеваемость, а заодно

и о том, как важно быть гордостью для родителей. Грозится явиться ко мне домой с лекциями для краткого осведомления.

Какая ей разница, есть я на парах или нет? Все равно «сплю». Мне не интересно ничего из того, что могут поведать эти зазнавшиеся снобы. Спецы только в своей науке, и то не все. А нам их слушай и внимай. Достали! Ненавижу! Что за жизнь?

Сегодня рассказал друзьям об отцовском разносе. Посочувствовали. Приятно.

У меня два близких друга – Илья Дронов и Макс Лапин.

Макс – круглолицый, невысокий, крепкий, коротко, почти налысо, стриженный. Он далеко не красавец, во всем идет напором и берет наглостью. Разгильдяй. Вот его бы моему папаше, в раз бы в норму пришел. Авантюрист, пошляк и тот еще отморозок (в хорошем смысле). С ним никогда не скучно. Он всегда знает, где взять «веселую» травку. У него классный гараж, оборудованный для отдыха. Мы частенько там зависаем. А еще у него куча других друганов, но мы с Илюхой – самые близкие. Веселый он парень и охочий до баб, как лиса до кур. Морду бы еще посимпотнее. Ну а родители его предпочитают не лезть к дитятку с наставлениями в надежде, что подрастет – перебесится.

Илюха другой. Он высокий, неплохо сложен, темные волосы слегка вьются. Он недавно болезненно расстался с девушкой и еще переживает по этому поводу. Мы поддерживаем по-своему. Его отец умер несколько лет назад, поэтому он не слишком-то одобряет мои ссоры с отцом и убежден, что однажды мы найдем общий язык. Мне б такую уверенность. Он серьезнее и меня, и Макса, хотя тоже любит оттянуться. Просто стоит в его голове какой-то счетчик, что не позволяет нам всем слететь с катушек.

Прихожу домой, а там никого. Тихо, как в мавзолее. Уж потом вспоминаю, что домработница наша – тетя Наташа, как я ее называю – отпрашивалась. У нее, кажется, мать болеет. А вообще, она тетка хорошая... заботливая и всегда выслушает, почти по-родственному. Даже отец не возражает против моей фамильярности в ее сторону. Он тоже ценит ее душевность.

Чувствую себя хозяином. Отец, похоже, задерживается на «конференции», жаль, что у нее не заночует. Есть у него вредная привычка – всегда домой возвращаться. Хоть одна бы его на ночь оставила. Что за бабы пошли? Поупражнялся и до дома.

Захожу в его кабинет. Большой, светлый, просторный... Чтоб я так жил. Сажусь за его стол, закидываю ноги на столешницу. В ящике среди бумажек нахожу очки (он иногда их надевает, и, по правде говоря, они ему идут). Примеряю, смеюсь над собой. На столе нахожу запонки. Сначала подумал, что это серьги. Снова смеюсь. А потом вижу фото мамы... Все так же красива и мила и так же по-доброму мне улыбается. Складываю руки параллельно краю стола, опираюсь о них подбородком и долго сижу так, глядя на нее. Вспоминаю детство.

– Самые нежные руки – у тебя, мамочка. Самая вкусная еда. Самая красивая улыбка. Как же я скучаю по тебе, дорогая. Мне тошно в этом дизайнерском склепе.

Я и не заметил, как вошел отец. Он стоит в дверях. Руки в карманах. Рубашка на груди расстегнута, галстук ослаблен. Не знаю, сколько он там стоял, прежде чем я поднял взгляд.

– Кто позволил тебе сюда заходить? Во всем доме другого места не нашлось, чтобы отдохнуть душой? – с иронией спрашивает он.

Я молча поднимаюсь и собираюсь уже пройти мимо, но он окликает меня. Замираю, ожидая чего-то, не знаю чего. Чего можно ждать от статуи вроде него?

– Очки!

Я даже не сразу понимаю, о чем он. Мешкаю, потом снимаю их и вкладываю в его протянутую руку. Он даже головы в мою сторону не поворачивает.

От него слабо пахнет алкоголем, и, по правде говоря, ужасно хочется упрекнуть его в этом. Вовремя одергиваю себя и просто ухожу в свою комнату.

Как же мама жила с ним? Любила его. Но за что?

4 глава

Запал правильности быстро истлевает, и я снова становлюсь плохишом. Признать надо – надолго меня не хватило. И так достаточно: неделю универ не пропускал, не бухал и не хамил папуле. Друзья уж беспокоиться начали, не случилось ли чего. Не попил ли я из копытца? А точнее, из папиного каблука. Пришлось исправляться. Ха!

Короче, с друзьями на Илюхиной тачке мы отправляемся на гонки стритрейсеров. По мне, это нереально крутые пацаны. По-своему безбашенные, но крутые. Я завидую им. Скорость дает ощущение некой свободы. Это чумовой адреналин, это телки, что трутся у твоих ног, уважая за реальные заслуги. Это драйв, который мне не испытать, потому как тачки у меня нема. Будь неладен Юрий Андреевич, который не доверяет мне и считает, что у меня в голове дыра с арбуз. Для него стритрейсеры это не гонщики, а секта самоубийц. Обнаглевшие правонарушители, чей мятежный дух мешает спокойно жить другим участникам движения и собственным несчастным родителям.

Так вот, мы прибываем на какую-то пыльную бывшую базу для хранения металлолома. Это и есть нынешняя площадка гонщиков. В городе их не любят. Конечно, почти каждый из них лихачит, рискуя правами и тачкой, но драйв того стоит. Ну а здесь, среди заброшенных построек и остатков искореженного металла, они короли.

Время провели классно. Ровно до того момента, когда я слез с каркаса брошенной «копейки», где, как на пьедестале, размахивал руками и вопил во все горло до хрипоты, глуша прямо из бутылки абсент.

Помню, как ко мне подошла Дашка, местная деваха, села рядом на капот, и я с ходу начал жаловаться ей на жизнь. Не знаю зачем. Накатило. Сначала на то, что депутат Литвинов – сука, мне машину не покупает. Дура, она посоветовала попросить у него что-то подешевле. Деревянную лошадь? Он же не из-за денег мне отказывает, а из недоверия. Потом начал жаловаться на него самого и закончил эпическим описанием своего подвига во имя Кристины. А потом открыто заявил, что она была бы моей, если бы не работала у этого изверга. Дашка кивала, соглашаясь. Вдруг рядом заржал Димок – один из завсегдааев. Он стоял шагах в трех, смотрел на дорогу и, как мне казалось, к нам не прислушивался.

Он сплюнул под ноги, растер ботинком пыль и заявил:

– Да ты ща чо вообще говоришь? Ты себя слышал? Ты кто вообще? Никто и звать тебя «сын депутата», и только поэтому тебе яйца до сих пор никто не оторвал. Думаешь, эта твоя Кристина из-за него с тобой не хочет? Да она только поэтому с тобой и общается. Только потому, что ты – сынок ее начальника. На что б ты ей сдался, беседы с тобой разводить? Что ей в тебе может нравиться? Где б ты с ней вообще познакомился? На улице бы подошел? Да она бы полицейских вызвала... Не было бы у тебя шансов без отца даже просто поговорить.

Кажется, у меня кровь закипела от возмущения.

– Хочешь сказать, что я дерьмо? Да я тебя ща этой бутылкой поимею, – заорал я, а Дашка принялась успокаивать меня, наглаживая по плечу.

– Ты ж ее потом и съешь, – рявкнул Димок. – Вот, – он кивнул в сторону моей новой подруги, – твой потолок.

– Что ты знаешь вообще?

– Да то, что ты – избалованный хмырь, который жалуется на жизнь, купаясь в золоте. Мол, папа ущемляет права. Мол, он – гад, а ты – несчастный. Я уже полчаса твое нытье слышу. Моя... плакать. – Он снова сплюнул и оскалился в идиотской улыбке.

– Радио включи, раз тебе общения не достает.

Я хотел было встать с машины, на капоте которой сидел в позе лотоса, но Дашка удержала на месте, и я всего лишь демонстративно дернул плечами. Встань я тогда, упал бы мордой в пыль.

– А папаша твой – перец знатный. Мой предок его уважает, считает грамотным, хотя и резким. Ты с ним интервью недавно смотрел? Куда уж тебе. Он, между прочим, вещи такие говорит, что не каждый себе позволит. А у сестры моей так вообще на него слюноотделение. А чего? Не мальчик, да, но ты ему и в подметки не годишься. И сложен он хорошо, видно, что качается...

– Сам-то его не захотел часом? – Отчего-то я и впрямь мог допустить эту мысль.

– А то, что тебе – криворукому – машину не покупает, так это потому, что не хочет краснеть из-за тебя. Ты и на ногах дел натворишь, мало не покажется. – Он встряхнул головой и хмыкнул.

– Пошел ты, – бросил я и все-таки слез с машины. Сделал пару шагов, оступился. Подружка меня поддержала, иначе бы точно нырнул в пылюку. Выругавшись, выдернул руку из ее хватки и, зло рыча от негодования, бросился прочь, грубо задев плечом оппонента. Тот лишь хихикнул.

Какое-то время я тупо бродил меж заброшенных построек. Слышал, как звал Макс, но не отзывался. Голова гудела. Недовольство, усталость – все скопом навалилось и ввергло в некое подобие отчаяния. Встал у серой стены, прижался лбом к холодному силикатному кирпичу, на минуту расслабился. Но вдруг сзади подошла Дарья и начала меня доставать – типа успокаивать. Оно надо?

«Наверное, запала телка», – подумал я и перешел к решительным действиям – прижал ее к стене. Она, собственно, не сопротивлялась. Поимел как смог. Вышло грубовато. Было ли ей хорошо – не знаю. Возможно, нет, но помню, как обнимала за шею и постанывала.

Просыпаюсь в машине Илюхи, на заднем сиденье. Макс расталкивает меня и выпроваживает, оставляя у ворот особняка. Я громко стучу. Мне открывает Гульнара – помощница тети Наташи, девушка, временами замещающая ее, — провожает, придерживая, в комнату, просит вести себя тише.

– Дома этот... властитель ада? – интересуюсь я, и та кивает, жестом призывая к тишине.

Я пытаюсь обнять ее маленькую фигурку, больше из дружеских побуждений, но она отпатывается. Не доверяет пьяному.

– Ты что, боишься меня? – возмущаюсь я. – А отца не боишься? А если бы он обнял, а?

Знаю, ей было обидно, но я был пьян и озлоблен на всю вселенную. А еще я замечал ни раз, как эта маленькая гостья столицы, уроженка Таджикистана, смотрит на своего хозяина – господина Литвинова. С каким трепетом внимает ему. Как любит им издали и как стыдливо опускает глазки, когда ее ловят за этим занятием. Похоже, влюблена. Пожелай отец разложить ее на кухонном столе, даже сопротивляться бы не стала. Но папка такую не тронет. Знаю! У ее народа другие обычаи, и он не стал бы ее ломать. Она тоже это знает, потому просто мечтательно вздыхает. А на меня сейчас смотрит с тревогой и осуждением.

Я зло машу рукой, и она выходит. Где-то в коридоре слышится голос отца. Я жду его появления и готовлюсь дать отпор, но он не приходит, и я просто вырубаясь прямо в кресле.

Институт я проспал, что неудивительно. Просыпаюсь в том же кресле. Во рту привкус жженой резины, будто старые покрышки всю ночь лизал. Голова – не моя. Гульнара отпаивает меня рассолом, сует таблетки, пытается накормить. Долго прошу у нее прощения, пока, наконец, не заслуживаю.

Странно, но вчерашний вечер помню почти весь. И готов ехать искать Димка, чтобы убить в честном поединке – монтировкой из-за угла. Шутка.

Припомнив его слова, я открываю ноутбук – посмотреть, что за интервью у отца брали и как он держался. И сразу – вот он, как всегда безупречен. Одет с иголочки. Манерный, кра-

сивый, что уж отрицать, не зря бабы сохнут. Голос ровный, ни разу не дрогнул. Улыбка такая... загадочная, что ли, и одновременно лукавая. Наверное, журналистка, что брала интервью, тоже его захотела. По крайней мере, щеки розовели у нее неоднократно. Его и впрямь не противно слушать, не то, что некоторых. Он знает, где нужно остановиться, из какого вопроса лучше выпутаться и как незаметно сменить тему. Ложных обещаний не дает. Товарищей по депутатской скамье не подставляет. При этом тверд и решителен. Настоящий воин, и на своем поле ему нет равных.

Захожу заодно на свою страницу в соцсетях. Вот она, тема: мой отец. Несколько его фото, в том числе тех, что он просил удалить. Хотя, если бы просил – я удалил бы, но он требовал, потому я лишь убрал на время. Здесь он с сигаретой, хотя курит крайне редко – старая привычка берет свое, когда нервы не выдерживают, подозреваю. Но даже в пелене табачного дыма он привлекательнее многих, о чем свидетельствуют многочисленные лайки и каверзные комментарии. Димок отчасти прав, его уважают мужики и хотят бабы, а я... так, грязь из-под его ногтей, инородный элемент, так не подходящий ему сын. Большинство считает, что на мне природа отдохнула. Обидно... особенно когда нас сравнивают. Неприятно жить в его тени, но мне не выйти из нее никакими силами. Не смогу, да и он не отпустит.

Но тут у меня появляется идея.

5 глава

– Как прекрасна наша саванна с высоты птичьего полета, – цитирую я котенка с улицы Лизюкова, когда сзади ко мне подходят Макс и Илья.

Я сижу на крыше шестнадцатипятиэтажного здания, свесив ноги вниз и потягивая сигарету. Макс тяжело плюхается рядом, отбирает у меня ее, затягивается и смотрит так, словно я с луны свалился.

– Я думал, у тебя косяк. Это ж простая, – разочарованно фыркает он и стреляет недокуренной сигаретой куда-то вниз. – И какая на хрен саванна?

Я не вижу Илюху, но слышу его шаги за спиной.

– Сорветесь, я вас соскребать не стану, – ворчит он.

– А где граффити-то твое? Ты ж говорил, что полез на крышу рисовать. – Макс озирается по сторонам. – Передумал, что ли? Так чего нас сюда пригнал? Где шедевр? Не понял.

– Не туда смотришь. И осторожнее там, – мямлю я, – краска еще не высохла.

– А ну подсадите меня, я хочу это увидеть, – догадывается Илья.

В его голосе читается явный интерес. Он лезет на какую-то будку, бритый за ним, ну и я следом.

Мы стоим там, разглядывая в сумерках плод моего творения.

– Повыше бы, – шепчет Илюха.

– Ага, с самолета бы взглянуть, – шутит Макс и тут же чуть не срывается с будки. – Вот ты псих. Я думал, ты девчонку эту решил в очередной раз удивить... Но получилось круто.

– Ты художник, – хвалит Илья. – А разве он курит?

Я дергаю носом.

– Изредка, когда дитяtko доведет или еще кто.

– Теперь точно закурит.

– Если это кто-то разглядит, – хмыкает Макс.

Как мог, доступными средствами я изобразил случайное фото Литвинова на самой крыше. То самое, где по лицу его струилась белая дымка от тлеющей сигареты. Зачем? Не знаю. Чтобы его позлить, наверное. Ниже подписал: «Портрет властителя ада». Для меня он именно такой.

Сегодня выходной, но я завтракаю один. Где отец – неважно, он часто работает сверхурочно. Фанатик своего дела. И я люблю, когда дом предоставлен полностью мне. Но Гуля выводит меня из блаженных мечтаний, поясняя, что отец в цоколе – в спортзале. Занимается, видите ли.

Он старается не расслабляться и следит за своим телом. Спортзал был изначально запланирован в нашем доме и оборудован новейшим инвентарем. У папаши даже есть тренер-консультант, но последние полгода я его не встречал. Когда-то отец рассчитывал увидеть там и меня. И я был... пару раз в его отсутствие. Не зацепило. Ну а сегодня вдруг захотел туда наведаться и наконец посмотреть, как идут дела у отца и как выглядит его тело без официального костюма. Стоит ли оно времени, проведенного в спортивных «пытках». Хотя я и без того знаю, что плоды есть – они очевидны, этого никакой костюм не скроет. Но в спортзал я все же иду. Из любопытства.

Литвинов меня удивляет сходу. Еще на подходе я слышу разговор и даже настораживаюсь, но, войдя, вижу, что отец висит вниз головой, уцепившись за перекладину ногами, при этом болтая по телефону и подтягиваясь. А он удивляется, увидев меня. Бросает мне телефон, который я едва не роняю и кувырком опускается на батут.

– Никита? Пришел позаниматься? Это хорошее дело.

Он забирает у меня телефон и, продолжая разговор, направляется к выходу.

Я немного разочарованно смотрю в его сторону. Наверное, все же надеялся, что мы побудем вместе, и он ознакомит меня со спортивным реквизитом или покажет пару приемов. Видимо, зря.

Но у двери он неожиданно останавливается и, не прерывая разговора, заинтересованно оглядывает меня. Я тоже пялюсь. В облегающей футболке, намокшей от пота и прилипшей к рельефному торсу, и простых штанах он кажется куда более родным, чем при галстуке.

– Нужна консультация? – Он наконец заканчивает звонок.

– Нужна, конечно. С чего лучше начать? – Я сажусь на скамью для жима штанги.

– Это тебе рано. Начни с беговой дорожки. Разогрейся... – Он улыбается, но мне не весело. Я вижу – он чем-то обеспокоен и хочет уйти. – Я решу кое-какой вопрос и приду минут через двадцать-тридцать. Чтобы успел вспотеть! Ясно?

Его шутливый тон поднимает мне настроение. Давно я не разговаривал с отцом без ругани и порицаний, без едких замечаний и саркастичных улыбок. И теперь понимаю, как на самом деле мне его не хватает. Мне противен ухоженный и гладко выбритый, вечно занятый депутат Литвинов. Я не вижу в нем отца, лишь отголоски. Даже дома он продолжает носить эту маску невозмутимости, которая, похоже, приросла к его лицу. А я хочу внимания и участия. По-детски как-то, но я хочу родительского тепла. Я так давно его не ощущал и, казалось, отвык. Ан нет. Все еще помню и все еще хочу... Хочу почувствовать себя хотя бы чуть-чуть нужным.

– Депутат Литвинов, верните мне папу, – вдруг вырывается у меня, благо отец уже ушел. Вспотел я быстро, ибо резво переключал скорость, увеличивая нагрузку.

Юрий Андреевич даже не опаздывает. Встает в стороне, наблюдая за мной и потягивая кофе.

– Правильно, бег тебе пригодится, когда от полицейских удирать будешь. Это навык полезный, – глумится он.

Я собираюсь обидеться, но отчего-то вместо этого смеюсь. И тут же торможу и падаю с дорожки.

– Считай, догнали. – Он подает мне руку, но я, схватив ее, решаю, что было бы прикольно его свалить и стереть с лица ухмылку.

Дергаю – не получается. Он еще сильнее смеется.

– Вставай. Давай-ка я тебе покажу базовые приемы в вольной борьбе для разнообразия. Может, пригодится в жизни, да вспомнишь меня добрым словом хоть однажды.

– Ты же греко-римской занимался, – припоминаю я из рассказов о его юности.

– Грубости что ли боишься? – подмигивает он, сдвигая маты и расчищая нам пространство. – Не бойся, я не стану пользоваться захватами снизу. Это лишь для того, чтобы увеличить доступные приемы для тебя.

– Я ничего не боюсь.

– Это и настораживает, – замечает он. – Иди сюда!

Я уверенно шагаю на маты, улыбаясь такому повороту. Давненько я не был объектом внимания своего нерадивого папаши. Поэтому мне приятно, но еще больше не хочется упасть лицом в грязь и быть поверженным мгновенно.

– Итак, – он, словно лектор, проходится по матам и встает в углу напротив, – борьба начинается либо в стойке на ногах, либо в партере – на коленях, упираясь руками в ковер. Единственная цель бойца – провести прием, чтобы прижать противника лопатками к коверу и зафиксировать это положение, то есть – тушировать.

– Я знаю, – уверенно заявляю я, сделав вид как можно расхлябаннее, – лекции мне в универе надоели.

На самом деле об этом виде борьбы я знаю весьма поверхностно, но отчего-то решаю, что эти знания вкупе с природной наглостью мне помогут.

– Тогда нападай, – призывает отец, и я яростно бросаюсь в бой. Но первый же мой наскок оказывается молниеносно отражен, и я падаю, как мешок с картошкой. – Дилетант, – бурчит он и продолжает безмятежно прохаживаться по матам. – Есть три базовых приема, которые при минимальных физических нагрузках позволяют нанести максимальный урон противнику. Их я тебе сегодня и покажу.

Я снова бросаюсь в бой, но оказываюсь отброшен в сторону совершенно детским приемом, как котенок. Становится обидно, но не уходить же. Я ж не слабак. Сам хотел с отцом позаниматься.

Он с загадочной улыбкой окидывает взглядом мою тощую фигуру. Мы стоим друг напротив друга, оба в футболках и спортивных штанах. И я с завистью смотрю на то, как играют его мышцы.

– Приступим. – Он занимает стойку и я, одобрительно кивнув, пытаюсь напасть. – Первый прием – «Рычаг». Когда один боец проводит руку под плечо другого, а второй рукой захватывает предплечье проведенной руки с другой стороны, – он демонстрирует на мне, – как видишь, у нас получилось удушающее кольцо вокруг шеи второго бойца. И-и-и, – я хриплю, – он повержен. – Отец выпускает меня из захвата и отходит в сторону.

Я откашливаюсь:

– Грубо.

– Да, борьба – не балльные танцы. Но если для тебя это слишком, могу вальс научить танцевать, – ерничает он.

И я снова занимаю позицию, готовясь нападать, пытаюсь предугадать его действия. Выходит не очень.

Отец резко хватается меня за запястье, уводя руку вниз, а второй рукой захватывает изнутри плечо и резко разворачивает к себе боком.

– Обрати внимание, – отрывисто дыша, декламирует он, – тяжесть тела переносится на захваченное запястье. Таким образом... – Он лихо ставит меня на колени. – Понял, как делается? Ничего, мы еще повторим, закрепим... Если ты, конечно, решишься прийти еще раз.

Я, шумно дыша, поднимаюсь. Запястье поднывает после упражнения.

– Что, загонял тебя старик?

Я неестественно смеюсь. Ну какой он старик? Сорок четыре года.

– И еще одно упражнение на сегодня – «Бросок накатом».

Это единственное упражнение, технику которого я знаю, поэтому пытаюсь сопротивляться, но все равно оказываюсь переброшенным через голову и теперь лежу на мате. Отец собирается сделать очередной захват, чтоб окончательно повергнуть меня, но звонит телефон, и он опрометчиво достает его из кармана. Тут и настает мой звездный час. Я почти валяю его, разговаривающего по телефону. Обхватываю за талию и пытаюсь прижать всем весом. Наверное, он не ожидал такой наглости. Но весовая категория, увы, неравная, потому, даже продолжая разговор, он резким рывком укладывает меня на лопатки и удерживает захват. Я крихчу и вырываюсь, а он, не отрываясь от разговора, выставляет руку и начинает демонстративно загибать пальцы, отсчитывая время до моего полного поражения. И оно состоялось.

Отец поднимается, все еще болтая, бросает мне что-то типа «как-нибудь повторим» и покидает спортзал. А я остаюсь лежать на матах, тяжело дыша и глядя в потолок.

Отец все же уезжает в офис. Прошмыгивает мимо меня с портфелем в руке, на ходу допивая сок.

Несколькими минутами ранее я слышал его разговор с программистом – Сеней, – и, как я понял, речь шла о камерах наружного наблюдения.

Я даже насторожился. Вдруг это по поводу рисунка на крыше, и они пытаются вычислить меня, а заодно и моих товарищей, которых я так опрометчиво пригласил посмотреть на свои художества.

6 глава

А уже через час мой досуг «скрашивает» гостя. Заявляется староста с планшетом под мышкой и какими-то непонятными тетрадками. Я ж не в школе.

Я готов убить охранника – Николая Михайловича – за то, что впустил Лильку в дом.

Могу с уверенностью заявить: это единственная в моем окружении сексуальная девушка, которая меня раздражает. И я почти час мечусь от нее по комнатам, стараясь воплями доказать ее ненужность в этом доме. А она отчаянно пытается вбить в мою дурную голову информацию об ответственности.

– Отвали! – кричу я и закрываюсь в спальне.

Но когда через несколько минут выхожу в надежде, что она покинула особняк, меня чуть удар не хватает. Она сидит за барной стойкой и что-то рассказывает Гульнаре. Та с интересом слушает и даже отвечает.

– Знаешь, а она умнее тебя, – заявляет староста.

– Умоляю, уйди. Иначе я тебя просто убью и закопаю в саду, а Гульнара мне поможет.

И, похоже, я так пугаю домработницу, что она спешит оставить нас наедине.

– Зачем я тебе, а? Ну что, других прогульщиков мало? Ты ж знаешь – я свое место в жизни найду.

Лиля кивает и снова начинает об отце, что у всех на виду, и обо мне – сыне, которым он должен гордиться. Что я должен ровняться на него и уважать свой статус депутатского сына.

Как же мне хочется ударить ее о стойку головой. Кто бы знал.

– Тебя что, Литвинов подкупил? – озвучиваю я предположение.

Она, недовольно фыркает, словно обиделась. А потом заливается краской.

– Ничего-то ты не понял.

– Да куда уж мне – прогульщику.

– Ты нравишься мне. Понимаешь? Как парень... И мне неприятно видеть, как ты забиваешь на себя.

Я не понимаю. Смотрю на нее не моргая. Впервые слышу подобное от взрослой девушки, которую явно не престиж манит. Не из таких она. Из правильных. Из умных. И признается в симпатии мне – олуху. Честно – польстило. Потому, когда она поднимается, намереваясь уйти, я преграждаю ей путь. Не знаю почему. Она хорошенькая, но как женщина мне никогда не нравилась. Да, симпатичная: стройная кареглазая брюнетка, длинные прямые волосы, очки-лисички, которые ей еще и идут. Всегда одевается прилично и никогда ярко не красится. Вечная отличница. Как ей могу понравиться я?

– Постой, – хриплю я и делаю шаг навстречу, но девушка отступает, словно желая поиграть в недотрогу. Я делаю следующий шаг, провоцируя ее на тот же поступок, и еще, и еще, пока она не упирается спиной в стену.

Странно, но я не знаю, как вести себя с ней. Все девчонки, что были у меня, не отличались скромностью и правильностью. Они сами висли, сами делали шаги, не стесняясь этого, а тут... В общем, я растерялся. И, даже не пытаюсь быть осторожным, мгновенно срываюсь, потому, поцелуй, в который я вкладываю всю нежность, на какую способен, скорее напоминает грубый напор. Стоит отдать должное – даже не шевелясь она меня возбудила. Вот что значит надоели потаскушки. Хотя и их было немного. Девчонки не особо западают на меня, не говоря уж о том, чтобы влюбиться.

Но очень скоро Лиля отталкивает меня, разрывая объятия, которые уже стали жаркими. Да, такие девушки никуда не спешат и, как правило, долго ломаются, прежде чем лечь с парнем, но мне хочется верить, что будет иначе, и я пытаюсь удержать красотку, снова затягивая ее в поцелуй. Не получается.

– Пусти, – приказным тоном произносит она, и я не могу послушаться.

Покорно опускаю руки, хоть и с трудом.

– Я оставлю у тебя лекции. Полистаешь на досуге.

И она просто уходит, а я долго не могу привести чувства в порядок. Она мне даже нравится начинает. Хотя, откровенно говоря, не представляю, что может выйти из отношений с Лилькой. Она ж запилит, затюкает, заставит учиться. И ей явно не парень на ночь нужен. Она ждет серьезных отношений, не иначе. Может быть, даже хочет меня перевоспитать. Что вряд ли получится. Мой мозг мгновенно определяется: отличница-староста нам не нужна, ибо напрягаться с учебой не мое. А вот нижняя часть туловища совсем не против и согласна сейчас на любые условия, лишь бы ее приласкали.

И этой ночью, занимаясь рукоблудием, я для разнообразия представляю ее. В мыслях я даже допускаю, что она девственница, отчего становится еще приятнее и жарче. Мне вдруг неизменно захотелось переспать с ней наяву.

Сам себя не узнавая, в воскресенье я листаю оставленные Лилькой лекции, удивляясь собственной усидчивости.

А следующим утром меня ждет сюрприз. Шутя спросив охранника, зачем он старосту пустил в наш дом, я слышу, что таково было распоряжение Юрия Андреевича, персонально по этой даме. Я аж замираю.

Так от Николая Михайловича я узнаю, что Лиля уже однажды бывала в нашем доме в мое отсутствие. Зато папуля дома был. С ним она и уехала спустя час.

Я понимаю, конечно, что наткнулась она на Литвинова, скорее всего, случайно, когда пришла меня просвещать, а позже он просто ее подвозил. Но этого часа вполне хватило бы грамотному политику, чтобы «завербовать» эту дурочку, призывая повлиять на меня.

Я все же не исключаю Лилькиной симпатии ко мне. Лишь со мной она возится, пытается взывать к разуму, но теперь ее слова звучат для меня как-то по-другому... неискренне. Желание покорить ее, а вместе с тем и покориться ей стремительно убывает.

Отец и сюда влез. И снова внес раздор. Должно быть, он недолго ее убеждал. Таким, как он, отказать трудно. Может быть даже, она доносила на меня.

Это удар и приходится он как раз ниже пояса. В институт меня даже ноги не несут.

Недавнее перемирие с папашей оказалось кратковременным. А мне так хотелось еще недолго побыть его сыном.

Желание поговорить с Юрием Андреевичем насчет старосты берет верх над чувством самосохранения, и я решаю навестить его и предъявить претензии. Чувствую себя почти Шерлоком Холмсом, успешно раскрывшим вселенский заговор. Всю дорогу до офиса готовлю злобные реплики, но отца снова не оказывается на работе. Кристина обещает, что он скоро будет, если никто не вторгнется в его планы, любезно предлагает мне кофе, и я решаю подождать.

По старой привычке опускаюсь в кресло у стены, где порой сидят ожидающие, разваливаюсь и утыкаюсь в телефон, не желая мешать Кристине работать. Она, как всегда, загружена под завязку. Хотя краем глаза я продолжаю посматривать на нее, восхищаясь совершенными изгибами тела и потоками карамельных волос на хрупких плечах. Печально признавать, но вытравить из своей головы ее образ у меня не получается. Как бы я ни старался и сколько бы ни уверял себя, что ее можно заменить другой. Та же Лиля, не уступающая ей в уме и красоте, – просто девушка из толпы, в то время как Кристина – это светлое пятно во тьме моего угрюмого существования.

А потом в приемную заходит какая-то «выдра» – женщина под сорок, одетая с иголки и вззирающая по сторонам с высокомерной брезгливостью. В этом она даст фору даже моему занудному папаше. Она интересуется у Кристины о занятости Юрия Андреевича, тяжело вздыхает, оставляет на ее столе какую-то папку и просит набрать в случае его появления. И уж собирается уйти, как ее взор привлекает моя разморенная фигура. Не выходя из образа пофигиста,

я подмигиваю ей. Женщина округляет в удивлении глаза и начинает расспрашивать, каким ветром меня занесло в депутатский офис. Складывается впечатление, словно я в стрингах пришел в церковь. Ну и сразу советует мне обратиться за помощью к депутату посредством электронной почты. Я говорю, что не умею пользоваться клавиатурой, и расплываюсь в блаженной улыбке, наблюдая за ее негодованием. А потом дерзко добавляю, что все, что хочу, скажу ему при встрече, а она может проваливаться из приемной, если мои драные джинсы оскорбляют ее гордый взор. Короче, мы сцепляемся. И она даже грозит вызвать охрану, а потом обращается с претензией к секретарю. Кристина и открывает ей глаза на то, что я сынок Андреевича.

У этой стервочки аж дар речи пропадает. Она минуты две на меня просто смотрит молча. А потом встряхивает головой, словно пробуждаясь, и цокает обратно в свой террариум.

Мы с Крис смеемся, как дети, и я вдруг вижу ее абсолютно другой: еще совсем юной и в душе веселой девчонкой, способной на шалости. Но это длится очень недолго. Она быстро возвращается к работе, заметив мой пристальный взгляд.

Литвинова я так и не дожидаясь, зато кофе напиваюсь на неделю вперед. На обратном пути заглядываю к Сене – программисту. Он труженик не хуже тракториста. Просто мегамозг. Года три работает у отца. Тот очень доволен. Паренек рассказывает мне, что какой-то придурок на крыше многоэтажки изобразил отца в ненадлежащем виде. «Ну честное слово, будто я его голым нарисовал». И что он хотел запросить записи камер близ этого дома, чтобы вычислить паршивца, ибо почерк знакомый – видно художник безобразничает не первый раз, пора бы прижучить. Вот он – век технологий. Никуда не скроешься. Я аж начинаю нервничать. Но Сенья меня успокаивает, сказав, что отец в итоге отказался выяснять личность художника, а просто распорядился смыть граффити. Да, у папаши свои причуды. Кто его поймет. Может, просто посчитал ниже собственного достоинства за отморозками вроде меня гоняться.

Домой я возвращаюсь под вечер и сразу замечаю машину отца. Странно, что так рано. Но еще больше меня удивляет, что самого его я встречаю не где-то, а в моей комнате. Он сидит на кровати, держа на коленях стопку моих рисунков, которые рассматривает с нескрываемым интересом.

У меня словно сердце останавливается. Я замираю в дверях, даже не смея его уличить в посягательстве на мое личное пространство.

Кого я только не изображал в своих работах: от абсолютно чужих мне людей, как старичка на скамейке, до него самого с мамой. Маму, конечно, я рисовал чаще, но получалось хуже. Время стерло из памяти четкость ее безупречных линий, и я опирался на случайные фото. А вот сам отец всегда выходил хорошо. И теперь он рассматривает мои труды, а я словно язык проглотил.

Всю дорогу до офиса и обратно я думал о том, как с ходу начну предъявлять претензии и корить его за то, что сует нос в мою личную жизнь, превращая ее в ад. А теперь... я просто молча ожидаю его реакции. Становятся понятны его мотивы, когда он отказался выяснять, кто художествовал на крыше. Он заподозрил меня сразу, потому и пришел сюда в поисках улики. Может, он и не видел спортивную сумку с баллончиками краски под кроватью, но и моих рисунков вполне хватило, чтобы угадать стиль.

Я вмиг забываю про претензии и тупо жду, когда он скажет вслух все, что думает обо мне, а заодно огласит свой приговор. Но он складывает все обратно в папку, хлопает по ней рукой, убирает в сторону и поднимается. В его взгляде читается холод, более ничего. В такие моменты он кажется старше своих лет. Мне даже стыдно становится, несмотря на то, что я усердно уверяю себя, что он и сам не святой. Но отец не ругает меня. Странно.

– Хорошо рисуешь, – говорит он как-то отстраненно и проходит мимо, покидая мою комнату.

В душе все перемешивается. Становится так неприятно и даже дышится тяжелее.

7 глава

Следующие несколько дней отец общается со мной редко и довольно холодно. Но в этом как раз ничего особенного и непривычного нет. Я не стал говорить ему про Лию. Черт с ним. Зато теперь буду с ней осторожнее. Лекции я ей вернул, а заодно ознакомил со своим решением. Сказал, что дел с ней иметь не хочу, ибо она не в моем вкусе. Почти не обманул. Ей, конечно, не понравились мои слова, и она было хотела еще что-то сказать об учебе и ответственности, но я просто ушел. А она, видимо, ошарашенная тем, что ее отверг обалдуй вроде меня, даже не посмела пойти следом, дабы вразумить.

Ну а Литвинов так и не поведал мне о том, что его портрет стал украшением крыши шестнадцатизатки, как и о том, кто, по его мнению, его создатель.

«Портрет властителя ада» – так я подписал тогда свое творение, и за эту подпись мне было неудобно вдвойне.

Все происходит в день рождения бабушки. Об этом дне я предусмотрительно напомнил отцу за сутки. Не знаю наверняка, слышал ли он меня, потому как в этот момент был поглощен чтением бумаг, разложенных прямо на барной стойке, словно ему своего кабинета не хватает. Не отрывая зора, он нахмурился, словно припоминая, а потом кивнул мне. Я сказал, что буду ждать его дома в шесть в надежде к семи оказаться на торжестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.